

«Великий Новгород»* “Novgorod the Great”

Павел Владимирович Лукин

Институт российской истории
Российской академии наук
Москва, Россия

Pavel V. Lukin

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Цель работы — изучение выражения «Великий Новгород», которое играло ключевую роль в новгородской политической идентичности. Автор использует не только упоминания этого обозначения в документах средневекового Новгорода, но и свидетельства из других русских земель, а также зарубежные (ганзейские и литовские документы на средненижненемецком и латинском языках). Обращение к историографии показывает, что вопрос об истории этого обозначения по-прежнему остается спорным. Автор приходит к следующим выводам. В ганзейских документах на средненижненемецком языке «Великий Новгород» упоминается по крайней мере с 30-х гг. XIV в., т. е. более чем на 60 лет раньше по сравнению с распространенными в историографии представлениями. Впервые «Великий Новгород» упоминается не в новгородском, а в киевском тексте — в известии Ипатьевской летописи под 1141 г. Во второй половине XII в. именование появляется в Суздальской земле, и только значительно позже проникает в Новгород. В то время как в Южной и Северо-Восточной Руси «Великий Новгород» первоначально использовался для того, чтобы отличать Новгород на Волхове от местных, более мелких Новгородов (Новгорода Северского и Нижнего Новгорода),

* В статье использован материал доклада, обсуждавшегося на заседании Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН 16 января 2018 г. Благодарю за советы, рекомендации и замечания всех его участников, в особенности Ю. А. Артамонова, А. А. Горского и В. А. Кучкина.

новгородцы стали использовать выражение для возвеличивания своего политического образования. Данное выражение приобрело там три значения: название самого города; название всего политического образования (Новгородской республики); обозначение «политического народа», т. е. полноправных новгородцев.

Ключевые слова

Великий Новгород, летописи, ганзейские документы, политическая идентичность

Abstract

The aim of the paper is to examine the concept that was crucial for the Novgorod's political identity in the time of independence — ‘Novgorod the Great’ (*Veliky Novgorod*). The author takes into account not only mentions of this phrase in Novgorodian medieval documents and narratives, but also considerable and highly important evidence originating from other Russian lands and abroad (Hanseatic and Lithuanian documents written in Middle Low German and Latin). A review of the relevant publications shows that, at present, the issue still remains a controversial one. The author comes to the following conclusions. In Hanseatic documents, written in Middle Low German, ‘Novgorod the Great’ was already being mentioned since at least 1330s, which is more than sixty years earlier than is considered in the current conventional view. For the first time ‘Novgorod the Great’ is mentioned not in a Novgorodian text but in a Kievan one — in the account from the Hypatian Chronicle of 1141. In the second half of the 12th century it appeared in the principality of Vladimir-Suzdal, and only much later was adopted by Novgorodians themselves. While in Southern and North-East Rus’ ‘Novgorod the Great’ was initially used to distinguish Novgorod on the Volkhov River from local and smaller Novgorods (Novgorod-Seversky and Nizhny Novgorod), Novgorodians employed it to glorify their polity. In this case it could stand for three different things: the city of Novgorod, the whole polity (Novgorod republic), and ‘the political people’ of Novgorod, i.e. those of the Novgorodians who enjoyed full citizenship rights.

Keywords

Novgorod the Great, Russian chronicles, Hanseatic documents, political identity

Выдающийся российский историк Арсений Николаевич Насонов большое внимание уделял изучению древнерусской политико-географической терминологии. В этом отношении он был одним из первых, подтверждение чему можно обнаружить на страницах его ставшей уже классической монографии о Русской земле [Насонов 1951]. Предлагаемая работа является попыткой рассмотреть одну из довольно запутанных проблем специфической новгородской политической терминологии¹.

¹ Здесь и далее слово «терминология» используется условно. В реальности речь идет о — характерных для Средневековья и Раннего Нового времени — достаточно расплывчатых понятиях.

Вопрос о том, как сами новгородцы называли то политическое образование, в котором они жили, — несмотря на вполне очевидную значимость — как ни странно, не только не получил до сих пор убедительного ответа, но по-настоящему не ставился почти ни в одной научной работе. Последствия этого любопытного обстоятельства тем не менее хорошо заметны. Историки испытывают явные затруднения, когда приходится как-то называть Новгородское политическое образование. Встречаются различные варианты, но все они, так или иначе, неудовлетворительны. Нередко на исторических атласах или в учебниках можно увидеть, например, надпись или название параграфа «Новгородская земля», тогда как другие древнерусские земли там же называются «княжествами». Однако хорошо известно теперь, благодаря, прежде всего, исследованиям А. А. Горского, что в реальности они как раз назывались «землями», а термин «княжество» в значении «политическое образование во главе с князем» появился достаточно поздно [Горский 2014: 8–9, 11].

Что касается наименования «Новгородская республика», то оно, как представляется, достаточно корректно характеризует специфику новгородского политического строя периода независимости². Однако это позднейшее научное определение. Сами новгородцы не знали, что они живут в республике (это, впрочем, ощущали их современники-иностранцы, но такое понимание не отразилось на собственно новгородской терминологии)³.

Высказывались лишь отдельные суждения относительно того, что нужно понимать под теми или иными новгородскими территориальными обозначениями [см.: Halperin 1999; Чибисов 2012]. В относительно недавнее время проблемы коснулся А. А. Горский, который предложил именовать Новгород, как и все остальные древнерусские самостоятельные политические образования XII–XIII вв., «землями» [Горский 2008: 19–26]. Однако он подробно новгородские территориальные обозначения не рассматривает и отмечает, что новгородская терминология была специфична [Ibid.: 31].

² Но не «Новгородская феодальная/боярская республика». Если считать, что социально-экономический строй Руси был феодальным (что бы под этим ни понимать), то почему не называть Киевское, Черниговское и прочие княжества всюду «феодальными»? Что касается «боярской», то называть политические образования по ведущему классу или сословию обычно не принято (в науке не используются для обозначения соответствующих «политий» такие наименования, как например Римская рабовладельческая республика или Французская капиталистическая республика). Но главное в другом — такие определения затемняют социальную основу Новгородской республики, которая была шире боярства.

³ О республиканском характере средневекового Новгорода и восприятии его иностранцами см.: [Лукин 2018: 522–538].

Цель данной работы состоит в рассмотрении ключевого понятия, характеризовавшего новгородскую политическую идентичность периода независимости, — «*Великий Новгород*». Естественно, это предполагает и рассмотрение некоторых оттенков значения самого понятия «*Новгород*». При этом будут анализироваться упоминания не только в новгородских источниках, документальных и нарративных, но и значимые свидетельства, происходящие из других русских земель, а также иностранные.

Корректный анализ терминологии иноязычных документов заставляет обратиться к оригинальным текстам, а не только к переводам, имеющимся в издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» 1949 г. [ГВНП]. В таких случаях, если это возможно, желательна и проверка чтений по архивным оригиналам, так как в издании 1949 г. иноязычные документы публиковались по изданиям XIX–начала XX в., а они не всегда точны. В качестве примера можно привести фрагмент из проекта договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством 1371 г. В ГВНП читаем в русском переводе средненижнемецкого оригинала: «А учинится какое зло заморскому гостю в Новгородской земле, и Новгороду исправу дать на том, по крестному целованию, по старым грамотам» [ГВНП: № 42, 75]⁴. Здесь, как мы видим, помимо «Новгородской земли» фигурирует и «Новгород». Однако при обращении к оригиналу выясняется иное: «Если какая-либо неприятность случится с заморским гостем в Новгородской земле, новгородцы должны возбудить дело в судебном порядке, по крестному целованию и старым грамотам» [ТЛА, ф. 230, оп. 1-1, д. 326]⁵ «Новгородцы» в данном случае — это практически синоним «Новгорода» (в соответствующем контексте, о котором пойдет речь ниже), но здесь важно, что имеющееся издание оказывается непригодным для рассмотрения тонких терминологических вопросов — по крайней мере в своей «иноземной» части.

Мы ни в коей мере не ставим задачу создать полный каталог упоминаний выражения «Великий Новгород». Это излишне, поскольку, с одной стороны, оно встречается очень часто, а с другой — имеет очень небольшое число значений, которые постоянно повторяются. Гораздо важнее определить *время появления* этого выражения, его *происхождение и значение (или оттенки значения)*.

⁴ О датировке см. комментарий Н. А. Казаковой в: [Янин 1991: 93].

⁵ Weret dat eme jenich vngemach ghescege deme ouersesschen gaste in der Nowerder lande, dat solen de Nowerder saken na der cruceküssinge na den olden breuen. Здесь и далее: копии оригинальных документов изготовлены и предоставлены нам И. Ю. Анкудиновым и С. В. Полеховым; транскрипции и в ряде случаев переводы документов осуществлены совместно с С. В. Полеховым и Е. Р. Сквайрс. Считаю своей приятной обязанностью выразить глубокую благодарность коллегам.

* * *

Относительно времени, причин и обстоятельств, когда появилось обозначение «Великий Новгород», в историографии — достаточно небогатой — высказывались разные соображения.

Импульс обсуждению проблемы, как и во множестве других «новгородоведческих» вопросах, был задан В. Л. Яниным. В монографии о новгородских посадниках он пришел к выводу, что «Новгород начинает называться Великим лишь в конце XIV в.». Первым документом, исходящим от «Великого Новгорода», был Нибуров мир с ганзейскими городами 1392 г., а во всех более ранних документах фигурируют только просто «Новгород» либо «Весь Новгород» [Янин 1962: 361; то же во 2-м изд.: Янин 2003: 478–479]. Позднее историк отметил, что первая летописная фиксация «Великого Новгорода» датируется 1393 г. [Новгородская первая летопись младшего извода, далее — *НПЛ мл.*], и выдвинул осторожное предположение, что новая терминология могла возникнуть в 1386 г. в связи со спорами о митрополичьем суде в Новгороде [Янин 1970: 130]. Историк придерживался этого мнения и в дальнейшем, заметив в одной из новейших работ, что «[у]силившееся соперничество с Москвой именно в конце XIV в. породило гордое самоназвание Новгорода — Господин государь Великий Новгород, как бы уравнивающее его с титулом Господина государя великого князя» [Янин 2008: 242] (исследователь, впрочем, допустил неточность — в Нибуровом мире Новгород «государем» не именуется).

Выводы В. Л. Янина получили поддержку в историографии, как отечественной, так и зарубежной [Хорошев 1980: 88; Goehrke 1981: 453⁶]. Высказывались, впрочем, и критические суждения.

Еще в 1974 г. С. М. Каштанов в рецензии на исследование В. Л. Янина о печатях отметил неточность в утверждении последнего о том, что в актах упоминание «Великого Новгорода» появляется только в 1392 г.: такое упоминание есть в московско-тверском договоре 1375 г. [Каштанов 1974: 183].

В. Ф. Андреев в популярной брошюре об истории Новгорода в 1983 г. утверждал, что первое упоминание «Великого Новгорода» содержится в договоре 1375 г., и выдвинул предположение о том, что оно возникло из-за необходимости отличать Новгород на Волхове от Нижнего Новгорода. «Великий», по его мнению, означало «большой» (по размеру). В то же время историк не исключал и употребления эпитета «великий» в противовес великому князю московскому [Андреев 1983: 33–34].

⁶ К. Герке рассматривает появление обозначения «Великий Новгород» как одну из «дипломатических акций противодействия» усиливавшемуся наступлению Москвы.

Вскоре вышла статья немецкого ученого Эккехарда Ключа, специально посвященная интересующей нас проблеме (и, к сожалению, по неизвестным причинам оставшаяся невостребованной в отечественной историографии) [Klug 1985]⁷. Э. Ключ, как и С. М. Каштанов и В. Ф. Андреев, считал, что самый ранний документальный источник, в котором упоминается «Великий Новгород», — это московско-новгородско-тверской договор 1375 г. Также, вслед за В. Ф. Андреевым, он усматривал главную причину появления такого обозначения в необходимости отличать Великий Новгород от Нижнего. На своих предшественников немецкий историк, впрочем, не ссылался. В то же время его статья была несомненным и очень существенным шагом вперед в изучении проблемы. Во-первых, он указал на ряд других документов, датирующихся в промежутке между 1375 и 1392 гг., в которых фигурирует «Великий Новгород»: опасная грамота 1388 г. великокняжеских наместников и Новгорода ганзейским послам в Дерпт [Хорошкевич 1964: 272]; средне-нижненемецкий перевод послания Новгорода дерптскому епископу и властям Дерпта (предположительно 1390 г.) с упоминанием «всего Великого Новгорода» (*mene Grote Nouwerden*) [Ibid.: 272]; присяжную грамоту князя Семена-Лугвеня Ольгердовича Ягайле 1389 г.⁸ Стало ясно, что гипотеза В. Л. Янина не подтверждается данными источников. По мнению Э. Ключа, эти данные, однако, не могут свидетельствовать об исконной заинтересованности самих новгородцев в подобном обозначении, поскольку два из этих упоминаний, 1375 и 1389 гг., фиксируют восприятие Новгорода со стороны [Klug 1985: 96]. Во-вторых, историк обратил внимание на то, что в Лаврентьевской летописи (далее — *Лавр.*) «Великий Новгород» появляется задолго до конца XIV в. — начиная с рубежа 60–70-х гг. XII в. Э. Ключ составил весьма полезный перечень упоминаний «Новгорода» и «Великого Новгорода» в *Лавр.* и показал, что если в XII–XIII вв. «Великий Новгород» появляется в летописи эпизодически, то с конца XIII в. все чаще, преобладая над просто «Новгородом» [Ibid.: 99–100]. В-третьих, Э. Ключ, исходя из позднего происхождения обозначения «Великий Новгород», рассматривает вопрос о времени его включения в *Лавр.* и, отводя — справедливо, на наш взгляд, — возможную гипотезу о том, что эпитет «Великий» мог быть включен в летопись задним числом при ее окончательном редактировании Лаврентием в 1377 г., предполагает, что довольно хаотичное распределение обозначений «Новгород» и «Великий Новгород» в статьях *Лавр.* за XII–

⁷ В зарубежной историографии выводы Э. Ключа получили признание. Американский исследователь Ч. Дж. Гальперин даже назвал их «бесспорными» (*cogent*) [Halperin 1999: 347].

⁸ Ключ ссылается на западнорусский текст грамоты по изданию: [АЗР, 1, 26, № 10], однако есть и не менее важный латинский текст послания (см. об этом ниже).

XIII вв. свидетельствует в пользу бессознательного использования летописцем эпитета «Великий». С учетом оснований, на которые опирался ученый, он пришел к выводу, что это было делом рук составителя свода 1305 г. (которого он считает летописцем переселившегося во Владимир-на-Клязьме из Киева митрополита Максима), поскольку Нижний Новгород находился тогда «на переднем крае» политической жизни, и требовалось отличать его от Новгорода на Волхове [Ibid.: 100-102]⁹.

В 1989 г. появилось второе издание книги В. Ф. Андреева, значительно переработанное и дополненное. Историк отметил еще одно раннее (1392–1393 гг.) новгородское упоминание — запись в напрестольном Евангелии Софийского собора, датирующуюся 1362/3 г., т. е. более чем на десяток лет раньше договора 1375 г. Первой же официальной фиксацией («в государственных документах самого Новгорода») он по-прежнему считал Нибуров мир [Андреев 1989: 33–34].

В 1997 г. в г. Кирове вышла статья местного историка В. В. Низова, в которой имелись дальнейшие уточнения основанных на концепции В. Л. Янина представлений [см.: Низов 1997]. Несмотря на то что историк не ссылался на статью Э. Клюга и второе издание книги В. Ф. Андреева и, очевидно, не знал их, дополнения В. В. Низова только в одном случае совпадают с уже указанным (В. Ф. Андреевым), относительно записи на Евангелии 1363 г. Во-первых, В. В. Низов справедливо указал, что, согласно датировке самого В. Л. Янина, ко времени более раннему, чем Нибуров мир, относятся данные спинских сябров Спасскому Верендовскому монастырю — 1389–1391 гг. А в них фигурирует архиепископ «Великого Новагорода» [ГВНП: 164, 165, №№ 107, 109]. Присутствие данного обозначения в архиерейском титуле — однозначное свидетельство его официального характера. Во-вторых, В. В. Низов отметил не одно, а три упоминания Великого Новгорода в записях на книгах до 1392 г. Впрочем, древнейшее из них — указанная В. Ф. Андреевым запись на софийском Евангелии, которую В. В. Низов убедительно датирует январем 1363 г. К этому времени, по его мнению, следует относить «самое раннее именование Новгорода “Великим”» [Низов 1997: 64–66]. Неновгородские ранние упоминания «Великого Новгорода» В. В. Низов, как мы видим, игнорирует.

Высказывает вятский историк и некоторые соображения относительно содержания понятия «Великий Новгород». По его мнению, оно

⁹ Примерно такой же точки зрения придерживается В. А. Кучкин, полагающий, что Нижний Новгород стал называться «Нижним» с 40–50-х гг. XIV в., когда его «нужно было отличать от более старого Новгорода на Волхове», который, по мнению историка, «получил примерно в то же время определение Великий, до этого в течение четырёх столетий называясь просто Новгородом». Первый документ, который в связи с этим упоминает Кучкин, — договор 1375 г. [Кучкин 2011: 78, 82]

может обозначать либо все политическое образование в целом, либо город — центр политического образования. Их внедрение В. В. Низов связывает с реформами управления в Новгороде в 60-е гг. XIV в. [Ibid.: 66–67]. Поэтому он отвергает идею о возникновении обозначения «Великий Новгород» для того, чтобы отличать его от Новгорода Нижнего, резонно замечая, что много вероятнее другая картина: Новгород на Оке стали называть «Нижним», чтобы отличать его от более древнего, крупного и значимого Новгорода на Волхове. Смысл этого наименования, по В. В. Низову, такой же, как и у наименования «Великий князь», — подчеркивание престижа и самостоятельности [Ibid.: 67–68].

Недавно к проблеме «Великого Новгорода» обратился тверской исследователь Б. И. Чибисов [Чибисов 2012]. В его небольшой работе есть ряд ошибочных утверждений. Наличие определения «Великий» при Новгороде в *НПЛ мл.* он считает явлением более ранним, чем его отсутствие в тех же статьях в Новгородской первой летописи старшего извода (далее — *НПЛ ст.*). Однако даже если считать, что в *НПЛ мл.* в данном случае отразилась традиция более раннего источника, сомнительным было бы предположение о последовательном сокращении во *всех* известиях Синодального списка определения «Великий». Кроме того, два «ранних» упоминания Великого Новгорода в *НПЛ мл.* — это индивидуальные чтения Комиссионного списка, и их появление можно датировать временем его написания, т. е. XV в. [ПСРЛ, 3: 246, 312]. Следствием недостаточного знакомства с историографией вопроса следует признать и поспешное согласие Б. И. Чибисова с концепцией В. Л. Янина о том, что в новгородских актах «Великий Новгород» впервые фиксируется в 1392 г. («повисают», естественно, и все выводы, сделанные на основе ошибочной датировки). В то же время в работе есть и весьма ценные наблюдения. Отмечая вслед за Ключом (но, как и другие отечественные авторы, не ссылаясь на него) тот факт, что в *Лавр.* «Великий Новгород» появляется начиная с известия 1169 (точнее, 1170) г., Б. И. Чибисов обращает внимание на то, что еще более раннее упоминание содержится в Ипатьевской летописи (далее — *Ин.*) в статье под 1141 г. (никаких выводов отсюда, впрочем, он не делает). Кроме того, Б. И. Чибисову принадлежит гораздо более точная и нюансированная характеристика оттенков значения этого словосочетания. Он выделяет пять групп значений: 1) другое обозначение Новгородской земли; 2) обозначение города; 3) княжеского стола; 4) архиерейской кафедры; 5) «соционима» [Чибисов 2012: 27]. Тут есть, как представляется, и неточности («Великий Новгород» в первом значении был названием не «Новгородской земли», а заменил «Новгород» в значении политического образования), и некоторая избыточность (пункты 3 и 4 не создают отдельных значений: и княжеский стол,

и кафедры находятся в конкретном политическом образовании и на конкретной территории). Тем не менее это был несомненно существенный прогресс по сравнению с довольно схематичными оценками предшественников. Особенно же важен пункт 5. Б. И. Чибисов тонко заметил «постоянн[ую] вариативность в упоминании должностных лиц, социальных групп и их представителей», которые могли обозначаться этим выражением. Правда, он почему-то связывал эту группу значений только с обозначением «*весь Великий Новгород*». Конечный вывод таков: «Великий Новгород» в значении «соционима» означал «совокупность республиканских властей, которые активно выражают абстрактную идею Новгородской республики» [Ibid.: 27]. Сформулировано несколько мутновато, но, как мы увидим ниже, Б. И. Чибисов был очень близок к истине.

Итак, на сегодняшний день спорными вопросами остаются следующие: время появления обозначения в письменных источниках вообще и в официальных новгородских документах в частности; причины его возникновения; оттенки его значения.

Попробуем последовательно ответить на эти вопросы.

1. Сразу нужно сказать, что первое новгородское упоминание следует удревнить более чем на шестьдесят лет по сравнению с Нибуровым миром и более чем на тридцать лет по сравнению с самой ранней предлагавшейся в историографии датой (если не считать явно ошибочных датировок Б. И. Чибисова).

В документах на средненижненемецком языке, имеющих отношение к связям Новгорода с Ганзой, «Великий Новгород» упоминается уже как минимум с 30-х гг. XIV в.

В послании ганзейской Конторы в Ригу 1331 г. говорится о том, как на переговоры с немецкими купцами явился некий Борис Сильвестров сын «и сказал, что его послали 300 золотых поясов; что у Великого Новгорода есть достаточно имущества, они не хотят имущества, но они хотят получить 50 человек, [имена] которых они записали» [Лукин 2018, Приложение 2: 550]¹⁰. Кем бы ни считать новгородских «золотых поясов» (по нашему мнению, это было собирательное наименование новгородского боярства), так могли называться и действовать люди, обладавшие формальным или/и неформальным статусом, позволявшим им отправить посла к иностранным партнерам Новгорода и предъявлять им требования.

¹⁰ ...vn(de) sprach, ene hedde(n) vtghesant CCC guldene gordele, Grote(n) Naugarde(n) hedde gudes ghenauch, se en wolde(n) neyn gut, we(n)ne se wolde(n) hebbe(n) de L houede, de se beschriue(n) hedde(n).

Позднее в ходе переговоров новгородские послы заявили немцам: «Великий Новгород разгневан на вас» [Ibid.: 555]¹¹. Это были послы, представлявшие сначала вече, а потом — посадника. Среди послов был Матфей Варфоломеевич Козка, сын посадника, сам вскоре ставший посадником, член могущественного боярского клана Мишиничей-Онцифоровичей, представлявший в посадничестве Неревский конец [Янин 1981: 44–46; Янин 2003: 255]. Упоминание «Великого Новгорода» в речи официальных послов, наделенных соответствующим мандатом высшим органом власти и высшим должностным лицом, вряд ли могло быть случайным.

Нечто очень похожее видим и в документе 1337 г., где пришедшие с вече новгородские послы говорят немецким купцам: «Великий Новгород сжалился над вами» [Лукин 2018, Приложение 3: 560]¹². И ниже послы говорят немцам следующее: «Великий Новгород принял такое решение, что они [новгородцы. — П. Л.] хотят непременно получить столько товара в качестве залога, сколько было захвачено у их братьев, в таком размере, чтобы вы сохранили жизнь и имущество» [Ibid.: 562]¹³. Наконец, на самом вече немцам объявляют, что только Великий Новгород решит, когда немцам будет возвращен арестованный товар [Ibid.: 563]¹⁴.

Частотность упоминаний свидетельствует о том, что в это время словосочетание уже широко использовалось и применялось в переговорах с иностранными партнерами новгородскими официальными лицами. В более раннее время в ганзейских источниках обозначение «Великий Новгород» вроде бы не встречается. В частности, его нет в пространном письме на латинском языке посланников немецких торговых городов властям Любека о миссии в Новгород, которое датируется предположительно 1292 г. [Лукин 2018, Приложение 1: 539–544]. Чрезвычайно существенным поэтому представляется то обстоятельство, что Синодальный список *НПЛ* (*НПЛ ст.*), в котором отсутствует «Великий Новгород», в своей основной части написан двумя почерками: первый сегмент — почерком XIII в., второй — почерком, скорее всего, около 30-х гг. XIV в. (!) [Гиппиус 2006: 122]. Разумеется, на этом основании нельзя настаивать на абсолютно точной датировке (интересующее нас обозначение какое-то время могло использоваться одними

¹¹ Grote(n) No garde(n) is vp iu ere.

¹² Grote Nog(arden) heuet sich enbarmet ou(er) iu.

¹³ Grote Nog(ar)d(en) is des to rade worde(n), dat se iumm(er) also vele godes hebben willen to eyne(m) pande, als ere(n) brod(er)en nome(n) is, also vere als gi lif vn(de) gût behalde(n).

¹⁴ ...is Grote Nog(arden) des weldich, wene se dat gût tokere(n).

книжниками и не использоваться другими), но совпадение кажется не случайным. Вероятно, именно в 30-е гг. XIV в. обозначение «Великий Новгород» распространяется в Новгороде, и ему начинает присваиваться официальный статус, который окончательно закрепляется уже в конце столетия. Тем самым опровергаются и все теории, которые связывали появление «Великого Новгорода» с политическими процессами более позднего времени.

Здесь надо также оговориться, что, вопреки высказывавшемуся в историографии мнению, Нибуров мир ни в коей мере нельзя считать первым документом, исходящим от Новгорода, где обозначение «Великий Новгород» носит официальный характер. Даже если расценивать упоминания 1331 и 1337 гг., как недостаточно официальные (для чего, как нам кажется, оснований нет), то некоторые другие «до-нибуровы» фиксации можно считать и новгородскими, и вполне официальными.

В заключении договора 1375 г. Новгород участвовал в качестве одной из сторон, а к его оригиналу были приложены «новгородские печати», что свидетельствует о визировании его новгородскими властями [Кучкин 2003: 195, 343, приложение]. Бесспорно официальный характер носят и исходят от Новгорода изданные А. Л. Хорошкевич опасная грамота 1388 г. и сохранившаяся в переводе на средненижненемецкий язык грамота Новгорода Дерпту 1390 г. Об этом свидетельствует их адресация: «От великого князя наместников Ивана и Василья, от посадника Есифа Захарьинича, от тысяцкого Григорья Ивановича и от всего Великого Новгорода к замрьским послам в Юрво к Ивану и другому Ива[н]у»; «Наместники великого князя Иван и Василий, посадник Василий Иванович, тысяцкий Григорий Иванович и весь Великий Новгород приветствуют епископа, бургомистров и ратманов Дерпта» [Хорошкевич 1964: 272]¹⁵. В дипломатической переписке «неофициальных» обозначений быть, естественно, не могло. Титулование новгородского владыки в данных спинских сябров тоже, конечно, было официальным.

Что касается неновгородских источников, то в историографии было правильно определено, что в летописании Северо-Восточной Руси «Великий Новгород» появляется впервые в статье об осаде Новгорода войсками Андрея Боголюбского в 1170 г. (*Лавр.*), а в южнорусском летописании (*Ин.*) — в статье 1141/2 г., т. е. значительно раньше новгородских упоминаний. Однако убедительного объяснения этот парадокс не получил. Э. Клюгом была выдвинута «нижегородская» интерпретация, но она подверглась критике, кроме того, она не объясняет более ранних, чем северо-восточные, южнорусских свидетельств. Поэтому теперь нужно обратиться к причинам появления обозначения «Великий Новгород».

¹⁵ Перевод второго фрагмента наш.

2. Итак, впервые «Новгород Великий» — именно в такой последовательности (определение после определяемого слова) встречается в южнорусском летописании. Речь идет об известии под 1141/2 г. [Бережков 1963: 143–144]: «В то же лѣто посла Изяславъ къ сестрѣ своей, рече: “Испроси ны узяте Новгородъ Великий брату своему Святополку”. Она же тако створи» [ПСРЛ, 2: 309]. Летописцу важно было, по-видимому, подчеркнуть, какой именно Новгород должен был получить Святополк Мстиславич. Известие читается во всех списках *Ил.*; до него «Новгород Великий» не появляется ни разу.

Это отнюдь не единственное упоминание «Новгорода Великого» в составе Киевского свода. Уже под 1149 г. [о дате см.: Бережков 1963: 147] в *Ил.* сообщается об окончании похода Изяслава и Ростислава Мстиславичей против Юрия Долгорукого: «И тако Ростиславъ поиде полки своими Смоленську, а Изяславъ, брат его, иде к Новугороду Великому» [ПСРЛ, 2: 371–372]. Читатель, очевидно, должен был понимать, что Изяслав Мстиславич отправился именно в Новгород на Волхове. Есть и другие упоминания [см.: ПСРЛ, 2: 388, 459, 525, 560¹⁶, 562, 606, 618, 620].

Присутствие эпитета «Великий» в ключевых известиях во всех списках *Ил.*, а значит и в протографе этой летописи, и логика его употребления позволяют достаточно уверенно утверждать, что эти упоминания, во-первых, не случайны, во-вторых, они вряд ли являются результатом осуществленной позднейшим переписчиком правки. Может иметь некоторое значение также и то, что некоторые фиксации «Великого Новгорода» в *Ил.* находятся внутри прямой речи князей, а, как показал А. А. Зализняк, в прямой речи светских лиц в Киевском своде имеется особенность (распределение препозиции и постпозиции энклитики «ся»), которая свидетельствует о почти буквальном цитировании посланий, причем она присутствует и в «Слове о полку Игореве», и в берестяных грамотах [Зализняк 2008: 54–55, 418–419].

В северо-восточном летописании первое упоминание, как уже говорилось, — в рассказе о походе на Новгород в 1170 г. войска, отправленного Андреем Боголюбским: «Тое жи зимы князь Андрѣи посла сына своего Мстислава съ всею дружиною на Великий Новѣгородъ» [ПСРЛ, 1: 361]¹⁷. Причем «Великий Новгород» читается в этом известии и в Радзивилловской, и в Академической летописях, что не позволяет предполагать позднейшей редакции составителя *Лавр.* Перечень упоминаний «Великого Новгорода» в *Лавр.* дан в статье Клюга, что избавляет нас от необходимости приводить его [Klug 1985: 99–100]. Обратим внимание только на самые существенные с содержательной точки зрения фиксации.

¹⁶ Упомянут «Великий Новгород», а не «Новгород Великий».

¹⁷ О дате см.: [Бережков 1963: 68].

Значительный интерес представляет следующие два упоминания в *Лавр.* В 1205 г.¹⁸ Всеволод Большое Гнездо «посла сына своего Костянтина Новгороду Великому на княженье», сопроводив свое повеление поучением. Владимирский князь разъяснил сыну значимость его назначения так: «На тобѣ Богъ положилъ переже старѣишинство во всеи братьи твоеи, а Новѣгородъ Великий старѣишинство имать княженью во всея Русьской земли; по имени твоем тако и хвала твоя: не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣишинство в братьи твоеи, но и въ всеи Русьской земли. И язъ ти даю старѣишинство, поѣди в свои городъ» [ПСРЛ, 1: 421, 422]. В речи, вложенной в уста Всеволода, подчеркивается значимость «Великого Новгорода», которая четко связывается с его ролью в истории династии. Новгород явно выделяется среди всех русских городов — как тот, где впервые появилось княжение, т. е. княжеская власть правящей на Руси династии как таковая¹⁹.

Что касается новгородского летописания, то в *НПЛ ст.* выражение «Великий Новгород», как уже говорилось, отсутствует. В младшем изводе оно появляется в статье 1205 г. (причем только в Комиссионном списке), где, между прочим, идет речь о вокняжении в Новгороде Константина Всеволодича: «[...] и радъ бысть весь великий Новѣград своему хотѣнию» [ПСРЛ, 3: 246]. В аналогичной статье в *НПЛ ст.* читается, однако: «[...] и радъ бысть всъ град своему хотѣнию» [ПСРЛ, 3: 50], т. е. здесь следует усматривать позднейшую редактуру. То же самое относится и к двум другим упоминаниям в *НПЛ мл.* за XIII в.: в Синодальном списке их нет [ПСРЛ, 3: 275, 312].

Новгород Великий появляется также в житии Александра Невского, памятнике второй половины XIII в., включенном в летопись [ПСРЛ, 3: 291]. Но это не новгородское, а владимирское сочинение [Бегунов 1965: 56–61]²⁰, которое должно рассматриваться в том же ряду, что и *Лавр.* Кроме того, это не первоначальное чтение. В более ранней редакции в этом месте читается просто «Новѣгородъ», а определение «великий» в ней вообще отсутствует [Ibid.: 159–180, особенно: 162]²¹. Мы, таким образом, вновь имеем дело с поздней вставкой.

В XIV в. Великий Новгород впервые встречается в *НПЛ мл.* в рассказе о целовании креста новгородцам литовским князем Наримонтом

¹⁸ О дате см.: [Ibid.: 88].

¹⁹ См. также: [ПСРЛ, 1: 445, 470, 472, 475, 483, 485 (2 p.), 486].

²⁰ Ю. К. Бегунов, исследователь текстологии Жития, датирует его 1282–1283 гг., В. А. Кучкин — 1263–1265 гг., т. е. временем сразу после смерти Александра Ярославича [Кучкин 1990: 36–39].

²¹ Ср. также реконструкцию первоначального текста жития: [Бегунов 1963: 187194, особенно: 188].

под 1333 г. [ПСРЛ, 3: 346]²², но это индивидуальное чтение Комиссионного списка, в протографе, вероятно, стоял «весь Новгород» [Ibid.: разночтения, № 9]. Дополнительным подтверждением позднего появления эпитета «великий» в этой летописной статье являются данные летописей новгородско-софийской группы, где он отсутствует²³. Первые два бесспорные упоминания Великого Новгорода в новгородском летописании содержатся в статье *НПЛ мл.* под 1393 г. [ПСРЛ, 3: 385, 386]²⁴. В дальнейшем это обозначение появляется регулярно, особенно с 40-х гг. XV в., хотя однозначной последовательности не наблюдается. По-прежнему в тех же значениях в *НПЛ мл.* фигурирует и просто «Новгород».

Итак, мы сталкиваемся с необходимостью объяснить, на первый взгляд, весьма странный факт. Самые ранние упоминания Новгорода как «великого» содержатся отнюдь не в новгородском летописании. Что заставляло летописцев из других земель восхвалять Новгород, присваивая ему почетное наименование, в то время как сами новгородцы этого не делали? Или дело обстояло несколько иначе?

Если присмотреться к первому упоминанию «Новгорода Великого» в *Ин.* под 1141/2 г., то несколькими строками выше там обнаружится упоминание другого Новгорода — Северского: «Иде Святославъ Курьску, бѣ бо и Новѣ[городѣ] сѣдя Сѣверьскѣ» [ПСРЛ, 2: 309]. Новгород Северский в письменных источниках впервые упоминается в 1079 г. («Поучение» Владимира Мономаха), а археологически известен с конца X — первой половины XI в. [Коваленко 2014: 550]. Нет сомнений в том, что южнорусские летописцы должны были как-то отличать Новгород на Волхове от своего «родного» Новгорода Северского, особенно там, где приходилось упоминать эти два города один за другим: Новгород Северский в *Ин.* упоминается и без определения, точно так же, как и Новгород Великий, который чаще фигурирует как просто «Новгород». Для летописцев XII в. оба эти города были древними, существовавшими с незапамятных времен. Вполне естественно, что они имели в виду отличие другого рода, при этом вполне очевидное: размеры северо-западного Новгорода (и по территории, и по населению).

То, что разные Новгороды могли путаться, известно вполне определенно, правда, по более поздним данным. Именно это произошло с автором «Задонщины», который, по-видимому, увидев в тексте «Слова о полку Игореве» «Новгород», решил — для своего времени вполне

²² См. о дате: [Бережков 1963: 294295].

²³ В Новгородской IV и Новгородской Карамзинской (2-я выборка) сказано просто: «цѣлова крестъ» (без указания, кому) [ПСРЛ, 4, 1: 265; 42: 125]; в Софийской I обеих редакций говорится о целовании креста «къ Новугороду» [ПСРЛ, 6, 1: 407; 5: 220].

²⁴ См. о дате: [Бережков 1963: 300].

естественным образом, — что речь идет о хорошо ему известном Великом Новгороде, в результате чего вместо трубующих в Новгороде [Северском] труб зазвенели «вечныя колоколы в Великом Новгороде» [ПКЦ: 98]²⁵.

То, что определение «великий» по отношению к городу (или крепости; и то, и другое по-древнерусски — «городъ») означало «большой», причем по сравнению с чем-либо, можно подтвердить. В рассказе о строительстве Ярославом Мудрым новой крепости в Киеве из начальной летописи читается: «Заложы Ярославъ городъ великыи Кыевъ» [ПСРЛ, 2: 139]. Имплицитно это, по-видимому, должно подразумевать, что это большое крепостное сооружение по сравнению с «городом Владимира» (ср.: «Мьстиславъ заложы Новъгородъ болии перваго» [Ibid: 277]²⁶).

Более существенной и даже решающей представляется, впрочем, еще одна параллель. В статье *Ип.* под 1152/3 г. [Бережков 1963: 141, 155–156] читается обращение Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу (вместе с ним Изяслав собирался воевать против Юрия Долгорукого): «Тамо, брате, у тебе по Бозѣ Новъгородъ силныи и Смоленскъ, а скупивься, постережи же землѣ своя, юже Гюрги поидет на тя» [ПСРЛ, 2: 455]. Не вполне понятно, почему Новгород назван «сильным», а Смоленск — один из крупнейших древнерусских центров — нет. Или этот оборот надо понимать так, что определение «сильный» относится также и к Смоленску?

Все встает на свои места, если сравнить эту фразу с другой, которая читается ниже в *той же* летописной статье и, очевидно, принадлежит перу того же летописца. Вновь Изяслав обращается к Ростиславу: «Ты по Бозѣ тамо у Смоленскѣ и в Новъгородѣ у Велицимъ еси, а ты тамо удержи Гюргя...» [Ibid.: 459]. Фразы очень близки по форме и почти идентичны по смыслу. Можно думать, что определения «сильный» и «великий» функционируют в одном и том же значении (никаких прописных букв в оригинале, естественно, не было). Новгород на Волхове — это большой по размерам и численности, многолюдный, богатый, словом, «великий» и «сильный» город, поддержка которого дает князю возможность противостоять опасному противнику. И в этом смысле он отличается от других городов с таким же названием²⁷.

²⁵ См. подробнее: [Лукин 2014: 155–156].

²⁶ В Ипатьевском списке «городъ» написано на полях, в Хлебниковском — без искажений.

²⁷ Ср. в *Лавр.*, в некрологе владимирскому князю Юрию Всеволодичу: «Паче же Новъгородъ вторыи постави на Волзѣ усть Оки» [ПСРЛ, 1: 468]. Речь идет о Нижнем Новгороде, который назван «вторым» по отношению к первому, «главному» Новгороду — Новгороду Великому.

Имеющиеся на сегодняшний день данные выстраиваются, таким образом, в следующую картину. Впервые Новгород на Волхове стали называть «Великим» в южной Руси — по его главному признаку, размеру — для отличия от Новгорода Северского. Возможно, уже тогда определенную роль играл и особый статус Новгорода Великого как старейшего стола Рюриковичей.

Позднее этот эпитет фиксируется на Северо-Востоке Руси. Изначально это обозначение проникло туда, видимо, с юга, но дополнительным стимулом могло стать возникновение Нижнего Новгорода в 1221 г., от которого тоже надо было теперь отличать Новгород на Волхове: город на Оке был основан как «Новгород», эпитет «Нижний» появился позднее, уже в XIV в.²⁸ Между тем с середины XIII в. обозначение «Великий Новгород» доминирует в *Лавр.* [Klug 1985: 99–100].

В *Лавр.* уже ясно проявляются представления самих князей (и связанных с ними книжников) об исключительной значимости, а следовательно, и «величии» города на Волхове. Как мы видели в обращении Всеволода Большое Гнездо к Константину в *Лавр.*, в династии Рюриковичей такое представление культивировалось уже в начале XIII в. Этот же источник помогает проследить, каким образом наименование «Великий Новгород», уже получившее к этому времени особые, «возвеличивающие», коннотации, попало на Северо-Запад, — через приходивших в Новгород князей и их окружение.

Каким образом такое словоупотребление повлияло на новгородское, сказать сложно. Можно предположить, что проникшее из других регионов Руси наименование стало восприниматься в самом Новгороде как почетное (что вполне логично) и стало — именно в этом качестве — одним из важных проявлений новгородской политической идентичности. Здесь нет ничего удивительного: такова же была судьба и вечаевого колокола, который впервые появляется отнюдь не в Новгороде, а в Северо-Восточной Руси [см. об этом: Лукин 2014].

Дополнительным стимулом для интереса в Новгороде к эпитету «Великий», уже применявшемуся в других русских землях, прежде всего в Суздальской земле, могло послужить признание за владимирскими князьями, которые могли быть одновременно и князьями новгородскими, титула «великий князь». В XIV в. владимирские князья довольно последовательно именуется в новгородском летописании «великими», причем чаще всего Иван Калита — 16 из 20 раз [Горский 2016: 66–67]. Иван Калита был князем владимирским с 1328 по 1340 г.,

²⁸ «Великий князь Гюрги, сынъ Всеволожь зложи град на усть Оки и нарече имя ему Новъградъ» [ПСРЛ, 1: 445]. Об основании Нижнего Новгорода см.: [Кучкин 1974: 236–237].

с 1328 г. он занимал и новгородский стол. Именно в это время мы впервые встречаем в «прямой речи» самих новгородцев обозначение «Великий Новгород»²⁹.

В XV в. выражение «Великий Новгород» имеет уже несомненно официальный характер, о чем явно свидетельствуют регулярные упоминания в формулярах новгородских грамот, появление печатей «Великого Новгорода» и монет с соответствующей надписью³⁰. К концу существования Новгородской республики и вовсе закрепляется формула «господин господарь Великий Новгород» [ГВНП: 152, 156, №№ 96, 101]³¹.

Будучи принятым в Новгороде, эпитет «великий» был, конечно, несколько переосмыслен. Его лаудативное значение было усилено. Это подтверждается не только тем, что в XV в. сами новгородцы с гордостью называли себя «великим Новымгородомъ» [ПСРЛ, 25: 286]. Аргументом может служить и появление наименования «Великий Псков» во второй половине XV — начале XVI в. — явно под влиянием «старшего брата». Поскольку другого Пскова на Руси не было, это обозначение, безусловно, носило лаудативный характер, а следовательно, именно так воспринималось и обозначение «Великий Новгород»³².

3. Что касается значения наименования «Великий Новгород», то оно практически во всех нюансах повторяет оформившееся ранее значение слова «Новгород», которое употребляется в источниках по-разному.

Самое очевидное и распространенное значение слова «Новгород» — *ойконим, название города*. На этом останавливаться специально нет необходимости.

«Новгородом», однако, могли называть не только сам город как населенный пункт, но и *все новгородское политическое образование, Новгородскую республику*. Например, в договорной грамоте Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 г. читаем: «А вывода ти, княже, межи Суждальскою землею и Новъмьгородомъ не чинити» [ГВНП: 13, № 3]³³.

²⁹ Отношения между Иваном Калитой и Новгородом в 30-е гг. XIV в. были к тому же отнюдь не идеальными [Горский 2010: 604], что могло дополнительно способствовать стремлению новгородцев противопоставить великому князю «равнозначный» статус.

³⁰ См. об этом: [Лукин 2015: 140–142; Толстой 1884: 30].

³¹ Возникновение и значение формул «весь господин Великий Новгород» и «весь господин господарь Великий Новгород» требует отдельного рассмотрения.

³² См., например, договор между Москвой, Псковом и дерптским епископом 1509 г. [Книга посольская: 163–168, 2-я пагинация, № 70].

³³ О датировке см.: [Янин 1991: 147–150].

«Новгород» сопоставляется с Суздальской *землей* (а не с городом Суздаlem), т. е. это название территории, а не название города. Заметим, что тут, — где, казалось бы, напрашивается такое словоупотребление, — выражение «Новгородская земля» не используется. В аналогичной статье более поздней договорной грамоты 1307 г. между великим князем владимирским и тверским Михаилом Ярославичем и Новгородом мы видим, впрочем, уже «Новгородскую землю»: «А вывода ти, княже, межю Суждальскою землею и Новгородскою не чинити» [ГВНП: 20, № 9].

Однако «Новгород» в этом контексте — это не просто название территории. В той же грамоте есть такая статья: «Княжение твое честно държати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, господине, такоже Новгородъ държати по пошлинѣ безъ обиды» [ГВНП: 19, № 9; см. также: Ibid.: 21, № 10]. В договорах более раннего времени речь шла только о «держании» Новгорода, «княжение» не упоминалось. Для понимания того, что в данном случае подразумевается под «Новгородом», следует обратить внимание на слово «княжение». В домонгольское время оно использовалось в значении «княжеская власть, правление». Позднее оно «начинает иногда употребляться в территориальном значении» — «область, подвластная князю» [Горский 2014: 8, сноска 5; 11–12; см. также: СДРЯ, 4: 360–361]. Слово «княжение» в грамоте 1307 г. использовано в первом значении. «Держание» князем Новгорода соотносится с «держанием» (т. е. в данном случае признанием, поддержкой) новгородцами «княжения», т. е. власти Михаила. В этом контексте Новгород выступает как *политическое образование*, по отношению к которому великий князь выступает в качестве сюзерена.

Положение договоров Новгорода с князьями о смердах и купцах («А что закладниковъ за Гюргемъ на Торожку или за тобою или за кн[я]гынею, или за мужи твоими: кто купецъ, тотъ въ сто; а кто смердъ, а тот потягнеть въ свои погостъ; тако пошло Новегородѣ, отпустите ихъ проць» [ГВНП: 13, № 3]) свидетельствует о том, что в состав «Новгорода» входят погосты, населенные смердами, и новгородский «пригород» Торжок. Это словоупотребление сохраняется и позднее.

Очень характерно в этом плане то, что в договорах и других актах великие князья владимирские (а потом московские) соотносятся именно с «Новгородом». Так, в грамоте князя Андрея Александровича о порядке обеспечения княжеских сокольничьих ватаг в их походах на море конца XIII–начала XIV в. от имени князя говорится: «Како есмь докончалъ с Новымъгородомъ» [ГВНП: 142, № 83]³⁴ (а не с Новгородской землей или волостью).

³⁴ О датировке см.: [Янин 1991, 151–152].

«Новгород» в таком значении появляется и в XV в., когда распространяется выражение «Великий Новгород». В новгородском проекте договора с Василием Темным 1456 г.³⁵ есть такая статья: «Новъгородъ держати вамъ в старинѣ, по пошлинѣ, без обиды, а намъ, мужемъ ноугородцемъ, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды» [ГВНП: 40, № 22]. Под «Новгородом» тут вновь понимается политическое образование вместе с территорией, которая была ему подчинена.

В принципе, то же самое мы видим и в других источниках. Подобные контексты в летописи чрезвычайно редки, но вышеописанное значение все же встречается. Например, в обращении новгородцев к владимирскому князю Юрию Всеволодичу: «Оже ти не угодно държати Новагорода сыномъ, а вѣда ны брат» [ПСРЛ, 3: 61]. То же мы видим и в иностранных документах. Когда ливонский магистр в 1411 г. в письме властям Ревеля упоминает «архиепископа в Новгороде» (*ertzebisshop to Nougarde(n)*), он явно подразумевает не архиерея, живущего в городе Новгороде, а церковного иерарха, полномочия которого распространялись на всю епархию, и под «Новгородом» имеет в виду не город, а политико-территориальную единицу, на которую распространяются его полномочия, в целом [ТЛА, ф. 230, оп. 1, д. ВВ 24-І, л. 36; ср.: HUB, 5: 555, № 1031].

Здесь уместно сделать отступление и коснуться понятий «Новгородская волость» и «Новгородская земля». Им должно быть посвящено отдельное исследование, но предварительно можно согласиться с наблюдениями Ч. Дж. Гальперина, который пришел к выводу, что эти наименования не использовались «в идеологически нагруженном смысле», а «Новгородская земля» была только «фразой, а не концепцией» [Halperin 1999: 363]. Речь идет о том, что эти словосочетания применялись для обозначения объектов, на которые распространялась власть Новгорода и представляющих его должностных лиц: прежде всего территорий и иногда жившего на этих территориях и подчиненного властям населения. О том же свидетельствует и достаточно редкое или хаотичное их использование.

Такова, в частности, статья договора 1268 г. и аналогичные статьи позднейших договоров: «А въ Бѣжичахъ тобѣ, княже, ни твоеи княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ сель ни държати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всеи волости Новгородьскои» [ГВНП: 12, № 3].

Отметим также другую статью этого документа: «А из Бежиць, княже, людии нѣ выводити въ свою волость, ни изъ инои волости новгородьскои, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати ни твоеи княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ: ни смерда, ни

³⁵ О датировке см.: [Янин 1991, 180–182].

купчины» [Ibid.]. До этого упоминаются окраинные волости: Волок, Торжок, Бежицы и др., однако вряд ли можно думать, что князю за- прещалось выводить людей только с окраин Новгородской республики. Обращает на себя также внимание и следующее выражение: «А се, княже, волости новгородские: Волокъ съ всеми волостьми...» [Ibid.]³⁶. Выясняется, что в составе волости Волок также были волости, подчинявшиеся этому центру. Складывается впечатление, что понятие «волость» имело довольно широкое значение (по крайней мере в Новгороде в XIII в. и позднее) — это территория, некая область, находящаяся под чьей-то властью (ср. этимологию этой лексемы). Волостью могла называться и вся территория Новгородской республики, и отдельные ее части, и более дробные части этих частей.

Любопытно сопоставить это словоупотребление с территориальными обозначениями проекта договора Новгорода с иноземными купцами 1268 г. Одна из его статей гласит: «Когда немецкие или готские купцы прибудут [...] в княжество князя новгородцев, они будут под защитой мира и покровительством князя и новгородцев, и если им будет причинена какая-либо несправедливость на территории, подвластной новгородцам, за это будут отвечать новгородцы». Новгородская политическая организация характеризуется одновременно как княжество (или королевство) во главе с князем (*regnum regis*), так и как территория под властью новгородцев (*dicio Nogardiensium*). Они же несут и ответственность за поддержание на ней порядка. В другой статье говорится, что именно новгородцы (а не князь) оказывают «мир и покровительство» немецким купцам, и новгородская «полития» уже без оговорок определяется как «княжество новгородцев» (*Cum hospites in regno Nogardiensium et sub eorundem pace et protectione sunt...* «Когда гости находятся в княжестве новгородцев и под защитой их мира...»³⁷). В высшей степени существенным оказывается свидетельство еще одной статьи проекта: «Также если между соседними землями и новгородцами [начнется] какая-либо война или раздор, из-за этого раздора гостю препятствовать не следует...»³⁸ [HUB, 1: 229, 232, № 663]. *Nogardienses* («новгородцы») сопоставляются здесь как потенциальная сторона военного конфликта с окрестными странами (*terras circumiacentes*), что вполне четко характеризует их как носителей новгородского «суверенитета». Выражение *dicio Nogardiensium*, как представляется, раскрывает и объясняет выражение «Новгородская волость» — это территория, находящаяся под властью новгородцев, новгородского «политического народа».

³⁶ О датировке см.: [Янин 1991: 147–150].

³⁷ *Cum hospites in regno Nogardiensium et sub eorundem pace et protectione sunt...*

³⁸ *Item si aliqua werra uel discordia [fuerit] i[n]ter terras circumiacentes et Nogardienses, racione huius discordie hospes impediri non debet...*

В проекте договора 1305-1307 гг. «Новгородская земля» — синоним Новгородской волости как территории, находящейся под властью «все-го Новгорода»: «А что сельъ, княже, на Новгородьской земли твоихъ, или княгыниныхъ, или боярь твоихъ, тѣхъ сельъ тобѣ съступитися; а куны емати на нихъ у истъцевъ своихъ, у кого будетъ кто купиль; а земля святой Софии къ Новугороду» [ГВНП: 17, № 7].³⁹ То же и в проекте договора Новгорода с немцами 1371 г. на средненижненемецком языке: «Пусть будет у них [немецких купцов. — П. Л.] свободный путь по Новгородской земле, и по суше, и по воде» [ТЛА, ф. 230, оп. 1-1, д. 326; ср.: ГВНП: 74-76, № 42]⁴⁰. В этом значении «Новгородская земля» близка к «Новгороду» как к наименованию политического образования, но есть и нюанс: «земля», как и «волость», всегда выступает в качестве пассивного объекта властвования⁴¹.

Но в источниках — прежде всего, новгородских — обнаруживается и еще одно, весьма своеобразное, значение слова «Новгород». С ним мы сталкиваемся уже в очень ранней грамоте, датирующейся предположительно 1134 г., когда князь Изяслав Мстиславич испросил «у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославицы и смерды и поля Ушково и до прости» [Корецкий 1955: 204]. Землей могли, естественно, распоряжаться только конкретные владельцы, а не географические обозначения. Выясняется, что уже на ранних этапах новгородской самостоятельности сформировалось представление о некоем новгородском политико-юридическом субъекте, отличном от князя и как минимум автономном по отношению к нему (князь просит «Новгород», а не наоборот). В договоре 1307 г. между Новгородом и великим князем Михаилом Ярославичем «Новгород» в этом контексте фактически прямо оказывается *людьми*, причем такими, которые могут соотноситься с князем, будучи объектом его «гнева» — опалы: «А гнѣва ти, княже, до Новагорода не държати ни до одного человека» [ГВНП: 20, № 9].

Именно с этим «антропоморфным Новгородом» связываются и республиканские вольности в представлении новгородских летописцев. Комментарий летописца архиепископа Мартирия под 1196 г. ясно это показывает: «[...] Новгородъ выложиша вси князи въ свободу: кде имъ любо, ту же собе князя поимають» [ПСРЛ, 3: 43]⁴². Кому «имъ» «любо» самостоятельно выбирать себе князя? Смысл тут однозначен — только

³⁹ О датировке см.: [Янин 1991, 152–155].

⁴⁰ ...se solen hebben enen reynen wegh to lande vn[de] to watere dor der "Nowerder" lant.

⁴¹ Мы не касаемся здесь всех нюансов значений таких выражений, как «Новгородская земля» или «Новгородская область» (в частности, так могло называться войско, собранное со всей территории Новгородской республики).

⁴² О принадлежности данного фрагмента летописцу архиепископов Гавриила и Мартирия см.: [Гиппиус 2006: 215]. О самом известии см.: [Флоря 2012: 43].

«Новгороду». Действительно, грамматически «Новгород» здесь *единственное* число мужского рода, с которым соотносятся местоимение и сказуемое *множественного* числа: «имъ», (имплицитно) «они» и «поимають». Известно, что «[с]обирательные ед. ч., главным образом муж. и женск. р., в древности нередко [...] имели при себе глаголы и определение множ. ч. [...] “господá”, “братия”, “дружина”», “срацина” (сарацины), “латина” (латиняне), “народ”». Последняя лексема особенно интересна, ср. примеры, приведенные А. И. Соболевским из древнейших славянских памятников: «народ поидоша на нь»; «стоящимъ народу»; «народъ стоя и слышавъ глаголааху» [Соболевский 2005 (1907): 220–221]. Лингвисты обратили внимание и на аналогичные примеры из новгородских памятников, в том числе и на слово «Новгород»; показательное свидетельство из (*НПЛ ст.*) приводит Е. С. Истрина: «И весь Новъгородъ шьдше с честию посадиша и» [Истрина 1923: 69, о явлении в целом: 67–70]. Как отмечают В. И. Борковский и П. С. Кузнецов, в древнерусской письменности «[п]ри словах с собирательным значением, тоже обозначавших **людей** [выделено мной. — П. Л.] (*Новъгородъ, земля* и т. д.), находим то множественное число, то единственное (первое — чаще)» [Борковский, Кузнецов 2006 (1963): 325]. Таким образом, сами грамматические формы, даже помимо содержания и контекста, сигнализируют о том, что перед нами упоминания общности *людей*, народа. Разумеется, речь идет не о всем населении Новгородской земли или даже города Новгорода, а о «политическом народе», т. е. о тех, кто имел право принимать участие в политической жизни. Для городских коммун Средневековья и Раннего Нового времени такое отождествление «всех» с элитой (но достаточно значительной в количественном отношении) было явлением совершенно нормальным и не вызывало никакого удивления [см., напр.: Keller 1988: 604–605]. Много чаще, впрочем, в летописи и как минимум не реже в документальных источниках в этом значении используется слово «новгородцы», как это могло быть и в устной речи. Характерно, кстати, что процитированный отрывок может подразумевать и княжескую грамоту, во всяком случае, официально сформулированное решение.

Именно в этом значении «Новгород» фигурирует в источниках как действующее лицо, как своего рода коллективная личность, в том числе и в официальных документах. Например, в составленной в Ревеле на средненижненемецком языке грамоте новгородцев Ивана Калеки сотоварищи 1396 г. поручители целуют крест на том, что «ни они, ни их [люди], ни Новгород (Nougharden), ни кто-либо от их имени более не должны предъявлять претензии» ливонскому магистру и другим партнерам [ТЛА, ф. 230, оп. 1-I, д. 446; ср.: ГВНП: 82-83, № 47]⁴³. В 1402 г. на

⁴³ ...se, noch de ere, noch Nougharden, noch iement van erer weghene meer vp saken en schal.

письмо представителей ганзейских городов должен ответить «весь Новгород на вече» [ТЛА, ф. 230, оп. 1, д. 12-1: Л. 16 об.; ср.: HR-1, 5: 48, № 69]⁴⁴. А в 1406 г. псковские послы «пожаловались Новгороду на общем вече»⁴⁵, что [великий литовский] князь Витовт находится с большим войском в их земле» [ТЛА, ф. 230, оп. 1, д. 4 (Missivbuch der Stadt Reval 13851419): л. 31; ср.: НУВ, 5: 364, № 704]. В двух последних случаях, отметим, «Новгород» в институциональном отношении представлен вечем.

Все эти три значения — название города (ойконим), название политического образования (страны, «государства») (хороним) и наименование «политического народа» (условно говоря, соционим) — переходят впоследствии и на «Великий Новгород». Это хорошо видно на примере рассмотренных выше упоминаний.

Уже в древнейших фиксациях «Великого Новгорода» в *Ил.* мы видим два первых значения: названия политического образования и города. 1141/2 г.: «В то же лѣто посла Изяславъ къ сестрѣ своей, рече: “Испроси ны у зяте Новгородъ Великий брату своему Святополку”. Она же тако створи» [ПСРЛ, 2: 309]. Речь идет о княжении Святополка Мстиславича в Новгородской земле, древнерусском политическом образовании, а не просто в городе. Зато под 1149 г. имеется в виду именно ойконим: «И тако Ростиславъ поиде полкы своими Смоленську, а Изяславъ, брат его, иде к Новугороду Великому» [ПСРЛ, 2: 371–372]. Новгород Великий и Смоленск здесь — города.

В обоих ганзейских документах — 1331 и 1337 г. — в которых содержатся наиболее ранние новгородские упоминания «Великого Новгорода», под этим обозначением понимается «политический народ». Именно полноправные новгородцы могут требовать выдачи обвиняемых, гневаться, миловать, принимать решения. Пассаж, в котором говорится о возврате немцам товара, ясно показывает, что уже в это время идеальным воплощением воли «Великого Новгорода» было вече. В. Л. Янин полагал, что в этом значении понятие «Великий Новгород» было адекватно понятию «новгородское боярство» [Янин 1970: 150], но этому противоречат многочисленные данные источников, которые однозначно свидетельствуют о том, что под «Великим Новгородом» подразумевался новгородский политический коллектив в целом, включавший в себя все городское полноправное население, объединенное в кончанские и уличанские организации [Лукин 2018: 315–342].

В записях на книгах, отмеченных В. Ф. Андреевым и В. В. Низовым, Великий Новгород — ойконим. В записи 1362/3 г. на служебном Евангелии: «Въ лѣто 6870-е индикта 1 изволениемъ Божиимъ, а поспѣшениемъ

⁴⁴ ...den bref antw(er)t gemene Nougarden int dink.

⁴⁵ ...clageden [to] Naugarden in deme gemeynen dinghe...

святого духа, написано бысть Еуангелие се въ Великом Новѣгородѣ повелѣниемъ боголюбиваго архиѣпископа новгородьскаго Олексѣя въ великое княжение Дмитрия Костянтиновица» [Столярова 2000: 290, № 279]. В записи 1369/70 г. на мартовской Минее: «Въ лѣто 6877-е изволениемъ божиимъ, а поспѣшениемъ святого духа написаны бысть книги сия въ Великомъ Новѣгородѣ повелѣниемъ боголюбиваго архиепископа новгородьскаго Алексѣя» [Ibid.: 297, № 285]. В записи 1370/1 г. на октябрьской Минее: «Въ лѣто 6878 написаны бысть книги сия въ великомъ Новѣгородѣ повелѣниемъ боголюбиваго, преосвященнаго архиепископа новгородьскаго владыцѣ Олексѣя» [Куприянов 1857: 289, № 35]⁴⁶.

В договоре 1375 г. «Великий Новгород» (или «Новгород Великий») упоминаются в качестве вассальной по отношению к Дмитрию «политии», его «отчины». Также новгородское население характеризуется как «людии [...] Новагорода Великого» и в этом качестве противопоставляются людям московским и «всего великого княженья», т. е. опять-таки «Новгород Великий» выступает в качестве названия политического образования. Близки по значению и другие упоминания «Великого Новгорода» в этом договоре [Кучкин 2003: 339–342 (приложение)]. В одной статье, впрочем, под «Великим Новгородом» можно понимать «политический народ» или власти, его представляющие:

А хто иметь бояръ или слугъ Новагорода Великого и Торжку, и ис пригородей служити тобѣ [тверскому князю. — *П. Л.*], а что их села или земли, и воды, то вѣдает Великий Новѣгород, а ты бояром и слугам не надобѣ. Или потом кто приѣдет к тобѣ служити из Новагорода Великого и ис Торжку, и ис пригородей, а тым тако же не надобѣ села их, и земли, и воды, то вѣдаетъ Новѣгород Великий [Ibid.: 341].

В двух случаях из четырех под «Великим Новгородом» подразумевается не политическое образование как таковое, а власти, им управляющие: ясно, что «ведать» чем-то могли только люди. В договоре в том же значении, что и «Великий Новгород», встречается и просто «Новгород».

Присяжная грамота литовского князя Семена-Лугвеня Ольгердовича королю польскому Владиславу Ягайлу, королеве Ядвиге и Короне Польского королевства 1389 г., которая сохранилась в двух вариантах — западнорусском и латинском, позволяет увидеть, как понятие «Великий Новгород» отражалось в разных языковых традициях. Семен-Лугвень заявляет, что Ягайло «поставилъ нас опекалникомъ мужемъ и людемъ Великого Новагорода», и далее обещает Ягайлу и Ядвиге «при нихъ [...] пристати [...] и с тыми людами с Великого Новаго[р]да, како же долго держимъ у нашемъ опеканию» [ОР РНБ, ф. 293, оп. 1., ед. хр. 1; ср.: АЗР,

⁴⁶ Не отмечена в своде Л. В. Столяровой.

1: 26, № 10]. В латинском варианте этот фрагмент передается несколько иначе. Присягающий говорит, что он назначен королем Польши, «защитником мужей и народа Великого Новгорода и правителем этих же мужей и народа»⁴⁷, и приносит присягу «вместе с тем же народом Великого Новгорода, до тех пор, пока он у нас будет находиться под защитой и управлением»⁴⁸ [ВКЦз, Док. perg. № 218].

«Великий Новгород» здесь — наименование политического образования, которое соотносится с Польским королевством. Существенно, однако, и то, что в документе по сути раскрывается смысл этого понятия и в значении «новгородский политический коллектив». И это вполне объяснимо, так как то, что было очевидно для самих новгородцев («Великий Новгород» в этом значении = «люди, имеющие формальное право принимать решения»), требовало от иноземцев развернутой интерпретации. Поэтому, думается, мы и видим здесь не просто «Великий Новгород», а «мужей и народ Великого Новгорода» или просто «людей Великого Новгорода», «народ Великого Новгорода» (*homines et populus de Magno Nouogrod, populus de Magno Nouogrod*). Это и есть политический народ, хозяин своей «политии» — Великого Новгорода. Так на другом «политическом языке» было, очевидно, расшифровано это неоднозначное понятие.

В документах, изданных А. Л. Хорошкевич, «(весь) Великий Новгород» фигурирует в значении «политического народа», в данных спинских сябров — как наименование территории, на которую распространялись полномочия архиепископа, т. е. фактически Новгородской республики.

В Нибуровом мире «Великий Новгород» упоминается несколько раз и в основном применительно к новгородскому «политическому народу». Наиболее показательна статья о краже немецкого товара: «[...] что не найдуть, а то Великому Новугороду, обыскавъ, дати исправа на томъ товарѣ и на татеи по хрест[н]ому целованию безо всякой хитрости». Вполне очевидно, что речь идет о людях и представляющих их политических институтах. Появляется в этом договоре и формула «Господин Великий Новгород» — в том же значении «политического народа», а не территории, как это часто можно видеть в историографии, популярной и художественной литературе и т. д. «Господин Великий Новгород» «смотрит» в старые грамоты и «повелевает» вместе с посадником и тысяцким. Однако терминологической четкости еще не было: в

⁴⁷ ...hom(in)ibus et populo de Magno Nouogrod in tutorem et gubernatorem eoru(n)dem ho(m)i(nu)m et p(o)p(u)lii...

⁴⁸ ...cum eodem p(o)p(u)lo de Magno Nouogrod, q(ua)ndiu i(psu)m in tuic(i)one et gub(er)nac(i)one habu(er)im(us)...

этом договоре в том же значении по-прежнему фигурирует и понятие «Новгород»: «[...] противъ того товара повеле Новъгородъ взяти товаръ своеи братъи». Параллельно, как обозначение «политии» используется в основном «Новгород», но в одном месте, по-видимому, «Великий Новгород»: «А се которое орудье завяжется въ обидѣ промежи Великого Новгорода с [с]вѣтскимъ короломъ, или съ велневицами, или с пискупомъ рискъмъ...» [ГВНП: 81–83, № 46]. Впрочем, во-первых, грань между двумя значениями нередко зыбка (особенно там, где неочевиден контекст), во-вторых, здесь, в принципе, может иметься в виду и новгородский политический коллектив.

Все эти значения сохраняются и в XV в., в том числе полное развитие получает наименование «Великий Новгород» в значении «политического народа». Возникает формула «господин господарь Великий Новгород», включающая в себя все полноправное население, объединенное в пять кончанских организаций и участвующее в вече⁴⁹.

Библиография

Сокращенные названия библиотек и хранилищ

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

ВКСz — Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie

TLA — Tallinna Linnaarhiiv

Источники

АЗР

Акты, относящиеся к истории Западной России, 1, С.-Петербург, 1846.

Бегунов 1965

Бегунов Ю. К., *Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли»*, Ленинград, 1965.

ГВНП

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

ДДГ

Черепнин Л. В., подг. к печати, *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, Москва, Ленинград, 1950.

Книга посольская

Оболенский М., Данилович И., изд., *Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа*, 2, Москва, 1843.

⁴⁹ См. подробнее: [Лукин 2018: 329–332]. Отдельный и выходящий за рамки данной работы вопрос — история наименования «Великий Новгород» после присоединения Новгорода к Москве. Известно, что оно использовалось и в дальнейшем, причем, в том числе, в договорах, подписанных московскими князьями (см. в договоре 1481 г. между Иваном III и угличским князем Андреем Васильевичем [ДДГ: 259, 260, № 72], но уже, конечно, не в самом специфическом для республиканского строя значении — наименовании «политического народа»).

ПКЦ

Рыбаков Б. А., Кучкин В. А., ред., *Памятники Куликовского цикла*, С.-Петербург, 1998.

ПСРЛ 1–42

Полное собрание русских летописей, 1. Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.
2. Ипатьевская летопись, Москва, 1998. 3. Новгородская летопись старшего и младшего изводов, Москва, 2000. 4. 1. Новгородская четвертая летопись, Москва, 2000.
5. Псковские и Софийские летописи, С.-Петербург, 1851. 6. 1. Софийская летопись старшего извода, Москва, 2000. 25. Московский летописный свод, Москва, 2004.
42. Новгородская Карамзинская летопись, С.-Петербург, 2002.

СК XIV/1

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век, 1, Москва, 2002.

Столярова 2000

Столярова Л. В., *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв.*, Москва, 2000.

HUB 1–5

Hansisches Urkundenbuch, 1. K. Höhlbaum, Bearb., *Hansisches Urkundenbuch*, Halle, 1876. 5. Kunze K., Bearb., *Hansisches Urkundenbuch*, Leipzig, 1899.

HR-1

Hanserecesse von 1256–1430, 5, Leipzig, 1880.

Сокращенные названия летописных сводов

Ип. — Ипатьевская летопись

Лавр. — Лаврентьевская летопись

НПЛ мл. — Новгородская первая летопись младшего извода

НПЛ ст. — Новгородская первая летопись старшего извода

Литература

Андреев 1983

Андреев В. Ф., *Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода*, Ленинград, 1983.

— 1989

Андреев В. Ф., *Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода*, 2-е изд., Ленинград, 1989.

Бережков 1963

Бережков Н. Г., *Хронология русского летописания*, Москва, 1963.

Борковский, Кузнецов 2006 (1963)

Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 2006 [1-е изд.: 1963].

Гиппиус 2006

Гиппиус А. А., «Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении)», in: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. Сб. статей*, Москва, 2006, 114–251.

Горский 2008

Горский А. А., «Земли и волости», in: Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С., *Древняя Русь: очерки политического и социального строя* [Горский А. А., Кучкин В. А., отв. ред.], Москва, 2008, 9–32.

——— 2010

Горский А. А., «Иоанн I Данилович Калита», in: *Православная энциклопедия*, 23, Москва, 2010, 603–609.

——— 2014

Горский А. А., «Политическое развитие Средневековой Руси: Проблемы терминологии», in: *Средневековая Русь*, 11, 2014, 7–12.

——— 2016

Горский А. А., *Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития*, 2-е изд., С.-Петербург, 2016.

Зализняк 2008

Зализняк А. А., «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста, 3-е изд., доп., Москва, 2008.

Истрина 1923

Истрина Е. С., *Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи*, Петроград, 1923.

Каштанов 1974

Каштанов С. М., «Древнерусские печати (размышления по поводу книги В. Л. Янина)», in: *История СССР*, 3, 1974, 176–183.

Коваленко 2014

Коваленко В. П., «Новгород-Северский», in: *Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия*, Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., ред., Москва, 2014, 550–551.

Корецкий 1955

Корецкий В. И., «Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеимонову монастырю», in: *Исторический архив*, 5, 1955, 204–207.

Куприянов 1857

Куприянов И. К., «Обозрение пергаментных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. II. Рукописи XIV–XVI в.», in: *Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности*, 6, 4, 1857, 276–320.

Кучкин 1974

Кучкин В. А., «Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв.», in: *Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв.*, Рыбаков Б. А., ред., Москва, 1974, 234–260.

——— 1990

Кучкин В. А., «Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – 1-я четверть XIV в.)», in: *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. Сборник научных трудов*, Москва, 1990, 15–69.

——— 2001

Кучкин В. А., *Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века*, Нижний Новгород, 2001.

——— 2003

Кучкин В. А., *Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры*, Москва, 2003.

Лукин 2014

Лукин П. В., «К истории вечевых колоколов», in: *Новгородский исторический сборник*, 14 (24), 2014, 135–167.

——— 2015

Лукин П. В., «Печати новгородские»: проблемы атрибуции», in: *Русь, Россия: Средневековье и Новое время, Выпуск Четвертый. Чтения памяти академика Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г.*, Москва, 2015, 138–143.

- 2018
Лукин П. В., *Новгородское вече*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2018.
- Насонов 1951
Насонов А. Н., «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. *Историко-географическое исследование*, Москва, 1951.
- Низов 1997
Низов В. В., «Из истории титулования Новгорода “Великим”», in: *Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: Материалы Международного научного симпозиума: (К 210-летию А. Л. Витберга)*, Киров, 1997, 60–72.
- СДРЯ 1–11–
Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–11–, Москва, 1988–2016–.
- Соболевский 2005 (1907)
Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, Москва, 2005 [1-е изд.: 1907].
- Толстой 1884
Толстой И. И., *Русская допетровская нумизматика, 1. Монеты Великого Новгорода*, С.-Петербург, 1884.
- Флоря 2012
Флоря Б. Н., «Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.)», in: *Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.)*, Флоря Б. Н., ред., Москва, 2012, 9–94.
- Хорошев 1980
Хорошев А. С., *Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики*, Москва, 1980.
- Хорошкевич 1964
Хорошкевич А. Л., «Новые новгородские грамоты XIV–XV вв.», in: *Археографический ежегодник за 1963 г.*, Москва, 1964, 264–276.
- Чибисов 2012
Чибисов Б. И., «Термин “Великий Новгород” в русских источниках XIV–XV вв.», in: *Проблемы истории и культуры средневекового общества*, С.-Петербург, 2012, 24–27.
- Янин 1962
Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 1962.
- 1970
Янин В. Л., *Актовые печати Древней Руси X–XV вв., 2. Новгородские печати XIII–XV вв.*, Москва, 1970.
- 1981
Янин В. Л., *Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)*, Москва, 1981.
- 1991
Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*, Москва, 1991.
- 2003
Янин В. Л., *Новгородские посадники*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2003.
- 2008
Янин В. Л., *Очерки истории средневекового Новгорода*, Москва, 2008.
- Goehrke 1981
Goehrke C., “Groß-Novgorod und Pskov / Pleskau”, in: *Handbuch der Geschichte Rußlands, 1. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum*, Hellmann M. et al., eds., Stuttgart, 1981, 432–483.

Halperin 1999

Halperin Ch. J., "Novgorod and 'Novgorodian Land'", in: *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*, 43, 3, 1999, 345–363.

Keller 1988

Keller H., "'Kommune': Städtische Selbstregierung und mittelalterliche 'Volksherrschaft' im Spiegel italienischer Wahlverfahren des 12.–14. Jahrhunderts", in: *Person und Gemeinschaft im Mittelalter. Karl Schmid zum fünfundsechzigsten Geburtstag*, Althoff G. et al., eds., Sigmaringen, 1988, 573–616.

Klug 1985

Klug E., "Novgorod: Groß-Novgorod und Nižnij Novgorod", in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 33, 1985, 92–102.

References

Andreev V. F., *Severnyi strazh Rusi: Oчерki istorii srednevekovogo Novgoroda*, 2nd ed., Leningrad, 1989.

Berezhkov N. G., *Khronologiiia russkogo letopisaniia*, Moscow, 1963.

Borkovsky V. I., Kuznetsov P. S., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 2006.

Chibisov B. I., "Termin 'Velikii Novgorod' v russkikh istochnikakh XIV–XV vv.", in: *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva*, St. Petersburg, 2012, 24–27.

Florya B. N., "Predstavleniia ob otnosheniakh vlasti i obshchestva v Drevnei Rusi (XII – nachalo XIII vv.)", in: *Vlast' i obshchestvo v literaturnykh tekstakh Drevnei Rusi i drugikh slavianskikh stran (XII–XIII vv.)*, Florya B. N., ed., Moscow, 2012, 9–94.

Gippius A. A., "Novgorodskaiia vladychnaia letopis' XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriiia i struktura teksta v lingvisticheskom osvshchenii)", in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriiia russkogo iazyka. 2004–2005. Sb. statei*, Moscow, 2006, 114–251.

Goehrke C., "Groß-Novgorod und Pskov / Pleskau", in: *Handbuch der Geschichte Rußlands, 1. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum*, Hellmann M. et al., eds., Stuttgart, 1981, 432–483.

Gorsky A. A., "Zemli i volosti", in: Gorsky A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S., *Ancient Russia: essays in the political and social system*, Moscow, 2008, 9–32.

Gorsky A. A., "Ioann I Danilovich Kalita", in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 23, Moscow, 2010, 603–609.

Gorsky A. A., "Politicheskoe razvitie Srednevekovoi Rusi: Problemy terminologii", in: *Srednevekovaiia Rus'*, 11, 2014, 7–12.

Gorsky A. A., *Russian lands in the XIII–XIV centuries: the ways of political development*, 2nd ed., St. Petersburg, 2016.

Halperin Ch. J., "Novgorod and 'Novgorodian Land'", in: *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*, 43, 3, 1999, 345–363.

Istrina E. S., *Sintaksicheskie iavleniia Sinodal'nogo spiska I-i Novgorodskoi letopisi*, Petrograd, 1923.

Kashtanov S. M., "Drevnerusskie pechati (razmyshleniia po povodu knigi V. L. Yanina)", in: *Istoriia SSSR*, 3, 1974, 176–183.

Keller H., "'Kommune': Städtische Selbstregierung und mittelalterliche 'Volksherrschaft' im Spiegel italienischer Wahlverfahren des 12.–14. Jahrhunderts", in: *Person und Gemeinschaft im Mittelalter. Karl Schmid zum fünfundsechzigsten Geburtstag*, Althoff G. et al., eds., Sigmaringen, 1988, 573–616.

Khoroshev A. S., *Tserkov' v sotsial'no-politicheskoi sisteme Novgorodskoi feodal'noi respubliki*, Moscow, 1980.

Khoroshkevich A. L., "Novye novgorodskie gramoty XIV–XV vv.", in: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 g.*, Moscow, 1964, 264–276.

Klug E., "Novgorod: Groß-Novgorod und Nižnij Novgorod", in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 33, 1985, 92–102.

Kovalenko V. P., "Novgorod-Severskii", in: *Drevniaia Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediia*, Melnikova E. A., Petrukhin V. Ya., eds., Moscow, 2014, 550–551.

Koretsky V. I., "Novyi spisok gramoty velikogo kniazia Iziaslava Mstislavicha Novgorodskomu Panteleimonovu monastyriu", in: *Istoricheskii arkhiv*, 5, 1955, 204–207.

Kuchkin V. A., "Nizhnii Novgorod i Nizhegorodskoe kniazhestvo v XIII–XIV vv.", in: *Pol'sha i Rus'. Cherty obshchnosti i svoebraziia v istoricheskom razvitiu Rusi i Pol'shi XII–XIV vv.*, Rybakov B. A., ed., Moscow, 1974, 234–260.

Kuchkin V. A., "Mongolo-tatarskoe igo v osvshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII – 1-ia chetvert' XIV v.)", in: *Russkaia kul'tura v usloviiakh inozemnykh nashestvii i voin. X – nachalo XX v. Sbornik nauchnykh trudov*, Moscow, 1990, 15–69.

Kuchkin V. A., *Dogovornye gramoty moskovskikh kniaziei XIV v.: vneshnepoliticheskie dogovory*, Moscow, 2003.

Lukin P. V., "On the History of the Veche Bells", in: *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 24, 14, 2014, 135–167.

Lukin P. V., "Novgorod Seals': Problems of Attribution", in: *Rus', Rossiia: Srednevekov'e i Novoe vremia. Vypusk Chetvertyi. Chteniia pamiati akademika L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 26 oktiabria – 1 noiabria 2015 g.*, Moscow, 2015, 138–143.

Lukin P. V., *The Novgorodian Veche*, 2nd ed., Moscow, 2018.

Nasonov A. N., "Russkaia zemlia" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. *Istoriko-geograficheskoe issledovanie*, Moscow, 1951.

Nizov V. V., "Iz istorii titulovaniia Novgoroda 'Velikim'", in: *Shvedy i Russkii Sever: istoriko-kul'tur-*

nye sviazi: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma: (K 210-letiiu A. L. Vitberga), Kirov, 1997, 60–72.

Yanin V. L., *Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv., 2. Novgorodskie pechati XIII–XV vv.*, Moscow, 1970.

Yanin V. L., *Novgorodskaia feodal'naia votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*, Moscow, 1981.

Yanin V. L., *Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentarii*, Moscow, 1991.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd ed., Moscow, 2003.

Yanin V. L., *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda*, Moscow, 2008.

Zaliznyak A. A., "Slovo o polku Igoreve": *vzgliad lingvista*, 3rd ed., Moscow, 2008.

Павел Владимирович Лукин

докт. ист. наук,

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия,

ведущий научный сотрудник Центра по истории древней Руси

Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт российской истории

РАН

lukinpavel@yandex.ru

Received July 16, 2018.